

СОДЕРЖАНИЕ УМЫСЛА ВИНОВНОГО ПРИ УБИЙСТВЕ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ**Ф.Х.ТУТАЮК**

В статье подчеркивается необходимость установления умысла виновного в каждом случае убийства с особой жестокостью, указывается, что для привлечения к ответственности за убийство с особой жестокостью подлежит обязательному выяснению отношение виновного как к смерти потерпевшего, так и к особой жестокости. Виновный может желать или сознательно допускать особую жестокость. Однако в некоторых случаях умысел в отношении особой жестокости должен быть только прямой, когда преступник желает причинения особых страданий жертве.

В статье также рассматриваются вопросы правовой оценки деяния в ситуациях, когда виновный желает, либо сознательно допускает причинение потерпевшему или его близким особых страданий, но последний в силу определенных причин не испытывает их. В этих случаях, если виновный желал причинить потерпевшему особые страдания, убийство должно быть квалифицировано по ст. 120.1 (умышленное причинение смерти без отягчающих и смягчающих обстоятельств), 29 и 120.2.4 УК АР (покушение на убийство с особой жестокостью), если же сознательно допускал – по ст. 120.1 УК АР.

Необходимость установления степени вины, вида умысла при убийстве для правильного разрешения дела и назначении наказания, соответствующего тяжести совершенного деяния, неоднократно подчеркивалось в постановлениях Пленумов Верховного Суда Азербайджанской Республики и бывшего СССР, касающихся вопросов судебной практики по делам об умышленном убийстве. Постановление Пленума Верховного Суда нашей республики «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 12 декабря 2002-го года в этом плане также не является исключением.

Убийство с особой жестокостью может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. В отличие от УК Азерб. ССР 1960 года новый УК АР законодательно закрепил термины «прямой» и «косвенный» умысел, которые ранее использовались лишь в теории и судебной практике. Согласно ст. 25 УК АР преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния (действия или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Оно призна-

ется совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния (действия или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия.

Примером убийства с косвенным умыслом может служить избивание потерпевшего с оставлением его в беспомощном состоянии в общественном месте при наступлении смерти от совокупности причиненных телесных повреждений. Виновный, избив и оставив потерпевшего в беспомощном состоянии, допускает возможность наступления его смерти и относится к этому безразлично.

Установление психического отношения виновного к последствию преступления (смерти потерпевшего) является необходимым условием правильной квалификации любого убийства. Но при определении признака «особой жестокости» подлежит обязательному выяснению отношение виновного как к смерти потерпевшего, так и к особой жестокости.

Как правильно отмечает С. В. Бородин, «умысел по отношению к преступному результату и к особой жестокости необходимо выяснять и оценивать самостоятельно» (1).

Уголовный закон, признавая особую жестокость квалифицирующим признаком убийства, не содержит указаний относительно умысла виновного на причинение потерпевшему особой физической боли и моральных страданий в ходе лишения его жизни. Отсутствие законодательного решения по данному вопросу вызывает трудности в квалификации действий виновных, а также различные мнения в доктрине уголовного права.

Некоторые авторы полагают, что для квалификации содеянного как убийства с особой жестокостью, необходимо, чтобы виновный желал, стремился причинить потерпевшему особые страдания, у него была бы на это специальная цель.

Так, Г. И. Чечель в результате проведенного исследования делает следующий вывод: «Совершая убийство особо жестоким способом (путем пытки, истязания, нанесения большого количества ран, применения мучительно действующего яда, совершая убийство на глазах у близких потерпевшему лиц и т.п.), виновный бесспорно должен знать, что причиняет жертве (либо его близким лицам) особые мучения и страдания и желает лишить жизни потерпевшего именно данным способом. Таким образом, квалифицируя действия виновного по п. «г» ст. 102 УК РСФСР (ст. 120.2.4 УК АР – А. П.), органы следствия и суд обязаны установить как то, что потерпевшему объективно причинялись особые мучения и страдания, так и то, что эти мучения и страдания охватывались целью и умыслом виновного, заведомо причинялись им и что именно данный способ лишения жизни избран с той целью, чтобы причинить потерпевшему особые мучения или страдания. Этот способ действия должен быть избран виновным специально с целью причинения особых мучений и страданий» (2).

В. Г. Беляев и Н. М. Свидлов утверждают, что для квалификации содеянного как убийства с особой жестокостью необходимо, чтобы виновный осознавал, что, нанося большое количество телесных повреждений, он причиняет особые страдания потерпевшему, предвидит наступление его смерти и стремится лишить его жизни путем причинения исключительных мучений (3).

А. Н. Красиков также приходит к заключению о том, что реально являются жестокими только те редкие, единичные случаи убийства, для которых помимо цели лишить потерпевшего жизни характерно намерение, наличие специальной цели причинить потерпевшему своими действиями особые страдания (4).

Т. В. Кондрашева полагает, что по отношению к смерти при убийстве с особой жестокостью возможен и прямой, и косвенный умысл, но отношение к применяемому жестокому способу лишения жизни может выражаться только в прямом умысле (5).

Большинство же правоведов считает, что отношение виновного к особой жестокости может быть не только в форме прямого, но и косвенного умысла, когда виновный не желает, а сознательно допускает особую жестокость.

Так, Н. И. Загородников сделал вывод о том, что убийство с особой жестокостью совершается с умыслом, как в отношении причинения смерти, так и в отношении особо жестокого способа преступления. Однако, по его мнению, специальная цель причинения особых мучений не является обязательным признаком рассматриваемого вида убийства. В обоснование сказанного он приводит следующий пример. Одно лицо дает другому с целью убийства яд, вызывающий особые мучения. При этом такой способ избирается не потому, что виновный стремится к причинению особых мучений своей жертве, а потому, что он надеется ссылкой на якобы естественную смерть потерпевшего избежать уголовной ответственности. Тем не менее, такое убийство, как совершенно правильно отмечает Н. И. Загородников, является убийством, совершенным с особой жестокостью (6).

С. И. Тишкевич также считает, что для признания убийства совершенным с особой жестокостью не обязательно, чтобы виновный желал причинить особые мучения и страдания потерпевшему или его близким. Достаточно сознания им того, что своими действиями он такие мучения или страдания причиняет. По его мнению, виновный предвидит, что, совершая убийство определенным образом или при определенных обстоятельствах, может причинить особые мучения, страдания и желает проявить особую жестокость, либо сознательно допускает ее в своих действиях (7).

На наш взгляд, в целом убийство с особой жестокостью может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом виновного по отношению к проявленной особой жестокости. Однако в случае убийства с нанесением множественных ранений должен быть только прямой умысел к

этому факту, когда виновное лицо желает причинения особых страданий, не являющихся необходимыми для умерщвления жертвы, и у него в обязательном порядке предусматривается на это специальная цель.

В каждом случае умышленного убийства, совершенного с нанесением большого количества ранений, виновный либо желает, либо сознательно допускает (третьего не дано) причинение потерпевшему особых страданий. Во втором случае, когда виновный не желает, а только сознательно допускает это, убийства с особой жестокостью быть не может. Например, виновный, обладающий меньшей физической силой, чем потерпевший, наносит ему большое количество ударов с тем, чтобы он не смог использовать свое преимущество в силе.

Иное решение вопроса может привести к многочисленным судебным ошибкам, когда на основе установления только признака множественности ранений и косвенного умысла на причинение особых страданий будет вменяться в вину убийство с особой жестокостью.

Прямой умысел на причинение особых страданий в обязательном порядке присутствует и при убийстве с особой жестокостью с причинением потерпевшему истязаний, пыток, с глумлением над его личностью.

Однако утверждение, что во всех случаях убийства с особой жестокостью необходимо, чтобы виновный желал, стремился причинить потерпевшему особые страдания и у него была бы на это специальная цель, нельзя считать обоснованной. Во многих случаях убийство признается совершенным с особой жестокостью и при отсутствии прямого умысла на убийство и специальной цели на причинение особых страданий жертве, как видно из вышеприведенного примера Н. И. Загородникова.

Нам представляется, что научный спор о возможности косвенного умысла по отношению к особой жестокости во многом вызван тем обстоятельством, что Пленум Верховного Суда бывшего СССР и нашей республики, в своих постановлениях дают довольно расплывчатые разъяснения по вопросу умысла виновного при убийстве с особой жестокостью, комментируемому различными авторами по-разному.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Азербайджанской Республики «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 12 декабря 2002-го года указывается лишь на то, что при квалификации деяния как убийства с особой жестокостью должно быть установлено, что умысел виновного направлен на лишение жизни потерпевшего именно особо жестоким способом. Думается, данное разъяснение нуждается в конкретизации.

Существует и такая точка зрения в науке уголовного права, что сама постановка вопроса о виде умысла в отношении особой жестокости при убийстве неправильна.

Например, К. Садреев и И. Мухамедзянов полагают, что «выделять отдельно виды умысла в отношении каких-либо фактических обстоятельств, в том числе и способа совершения преступления, особо жестокого

характера действий, неверно. Виновный не может, например, сознательно допускать возможность наступления смерти потерпевшего и одновременно желать его смерти с особыми мучениями». Поэтому они делают вывод о том, что для квалификации содеянного как убийства с особой жестокостью достаточно установить, что виновный сознавал, что он совершает убийство с особой жестокостью (8).

С данной точкой зрения трудно согласиться, так как во многих случаях перед убийством потерпевшему причиняются пытки, истязания, побои и смерть наступает помимо воли виновного. Здесь налицо косвенный умысел на причинение смерти и прямой умысел на пытки, истязания и побои. Квалификация же подобных деяний по ст. 120.2.4 не вызывает сомнений.

Выступающий за самостоятельное выяснение умысла по отношению к преступному результату и к особой жестокости и признающий возможность косвенного умысла по отношению к особой жестокости С. В. Бородин, представляется, что противоречит себе, считая, что убийства, совершенного с косвенным умыслом в отношении причинения смерти потерпевшему и с прямым умыслом в отношении проявленной жестокости, вообще быть не может. Вышеуказанный пример полностью опровергает это утверждение (9).

Кроме этого, различное отношение виновного к смерти и особой жестокости не означает, что виновный действует с двумя умыслами (как думают К. Садреев и И. Мухамедзянов), поскольку подобный подход противоречит основам учения о вине в уголовном праве. Двух видов умысла при совершении одного преступления быть не может. Субъективное отношение виновного к факту проявленной им особой жестокости может быть раскрыто только в рамках того умысла, с которым он совершает убийство.

Однако, как правильно отмечает А. Н. Попов, направленность воли субъекта не может ограничиваться только его отношением к последствиям преступления – смерти потерпевшего. Ее необходимо понимать гораздо шире. Волевой элемент умысла включает в себя отношение к последствиям своего деяния с учетом всех фактических обстоятельств его совершения. При это отношение к последствиям и к фактическим обстоятельствам деяния могут отличаться. Так, виновный может желать наступления определенных последствий при сознательном допущении каких-либо фактических обстоятельств, их сопровождающих, или, наоборот, сознательно допускать какие-либо последствия своего деяния при желании действовать при наличии определенных фактических обстоятельств (10).

Исключение не составляет и убийство с особой жестокостью – виновный может желать или сознательно допускать смерть потерпевшего и в то же самое время желать или сознательно допускать причинение особых физических и (или) моральных страданий потерпевшему или его близким. При это возможно различное сочетание направленности воли виновного

по отношению к смерти потерпевшего и причинению ему и его близким особых страданий.

По нашему мнению, для привлечения к ответственности по ст. 120.2.4 УК АР необходимо установить одно из следующих вариантов отношения виновного к смерти потерпевшего и к проявленной им особой жестокости:

1) Виновное лицо желало и наступления смерти потерпевшего, и причинения ему или его близким особых страданий.

2) Виновное лицо желало наступления смерти потерпевшего, при этом сознательно допускало причинение ему или его близким особых страданий.

3) Виновное лицо сознательно допускало смерть потерпевшего, при этом желало причинить ему или его близким особые страдания.

4) Виновное лицо сознательно допускало смерть потерпевшего и причинение его близким дополнительных страданий.

Как видно, когда виновный желает смерти потерпевшего, отношение его к особым страданиям жертвы может быть как в форме прямого, так и косвенного умысла, а когда сознательно допускает смерть потерпевшего – только прямого. Отношение же к особым страданиям близких потерпевшего и при желании, и при сознательном допущении его смерти, может быть как в форме прямого, так и косвенного умысла.

Трудно согласиться с точкой зрения А. Н. Попова о возможном варианте при убийстве с особой жестокостью, когда виновное лицо сознательно допускало и смерть потерпевшего, и причинение ему особых страданий. На наш взгляд, подобных убийств с особой жестокостью быть не может. Сам автор в обоснование данного утверждения не приводит ни одного практического примера (11).

Но все не так просто, как может показаться на первый взгляд. На практике могут возникнуть ситуации, когда виновный желает, либо сознательно допускает причинение потерпевшему или его близким особых страданий, но последний в силу определенных причин не испытывает мучения.

Например, виновный наносит потерпевшему большое количество ножевых ранений на протяжении длительного промежутка времени, однако потерпевший уже погиб от первого ножевого удара, нанесенного виновным в жизненно важный орган, поэтому не испытывает никаких мучений. Или же, виновный убивает потерпевшего в присутствии его близких родственников (жены, отца, брата и т.д), характер отношений которых с потерпевшим такой, что они не только не испытывают особых моральных страданий в процессе убийства, но иногда даже радуются этому. Например, жена не будет испытывать особых страданий, а, наоборот, радоваться гибели мужа, от которого она давно хотела избавиться. Не исключена ситуация, когда виновный принимал за близкого потерпевшему кого-либо постороннего, стремясь причинить ему особые моральные страдания.

В связи с вышесказанным неизбежно возникает вопрос: Как следует квалифицировать содеянное в подобных ситуациях? По данному вопросу в литературе высказаны противоречивые суждения.

Например, Н. И. Загородников утверждает, что убийство, соединенное с нанесением множественных ран, хотя смерть при этом наступила мгновенно, является жестоким убийством (12).

К. Садреев и И. Мухамедзянов обращают внимание на то, что наступление смерти от первого удара – дело случая, смерть могла наступить и от третьего, пятого, десятого удара. Поэтому они делают вывод о том, что для ответственности за убийство с особой жестокостью достаточно установить, что виновный действовал с целью проявления особой жестокости (13).

По мнению А. Н. Попова, если имеются данные, свидетельствующие о том, что виновный желал причинить потерпевшему или его близким особые физические и нравственные страдания, но не мог этого сделать по причинам от него не зависящим, то содеянное должно квалифицироваться как совершенное с особой жестокостью (14).

Сторонником противоположной точки зрения выступает П. Ю. Константинов, утверждающий, что если смерть потерпевшего наступила от единичных действий виновного лица, а большое количество телесных повреждений было причинено потерпевшему уже после смерти, признак особой жестокости будет отсутствовать. По его мнению, даже если материалами уголовного дела доказано, что виновный осознавал особо жестокий характер своих действий по отношению к потерпевшему, но обстоятельства дела свидетельствуют о том, что потерпевший не испытывал особых мучений и страданий, такое лицо не должно нести ответственность за убийство с особой жестокостью, поскольку отсутствует такой элемент объективной стороны убийства с особой жестокостью, как особо мучительный способ убийства (15).

В решении рассматриваемой проблемы имеется и третий подход. Так, Н. Г. Иванов считает, что если субъект, заблуждаясь относительно смерти потерпевшего, полагал, что он жив, и с целью причинения ему особых страданий предпринял расчленение тела, то деяние должно квалифицироваться как покушение на убийство с особой жестокостью по правилам о фактической ошибке (16).

По нашему мнению, каждый из вышеуказанных подходов страдает определенными недостатками. Квалификация убийства, совершенного при обстоятельствах, когда виновный желает или сознательно допускает причинение потерпевшему особых страданий, но последний в силу определенных причин не испытывает их, как убийства с особой жестокостью по ст.120.2.4 УК АР, было бы безусловно «повышением», а как простого убийства по ст. 120.1 УК АР – «понижением» квалификации.

Например, нельзя ставить в один ряд случаи убийства, когда виновный желал причинить потерпевшему особые страдания и причинил их, и

когда виновный желал этого, но не смог причинить в силу вышесказанных причин. Квалификация этих деяний по одной и той же статье (ст.120.2.4 УК АР) приведет во втором случае к назначению виновному несправедливого наказания.

При квалификации же подобных деяний по ст. 120.1 УК АР как простого убийства не придается должная оценка такому обстоятельству, как стремление виновного к совершению убийства с особой жестокостью.

Квалификация деяния только по ст. 29 и 120.2.4 УК АР как покушения на убийство с особой жестокостью будет также неправильна, т.к. убийство уже совершено.

На наш взгляд, наиболее точную квалификацию убийства, совершенного при обстоятельствах, когда виновный желает причинить потерпевшему особые страдания, но последний в силу определенных причин не испытывает их, предложила Э. Э. Штемберг – ч. 1 ст. 104 УК РФ (ст. 120.1 УК АР) - умышленное причинение смерти другому человеку без отягчающих обстоятельств и ст. 30 и 105 ч. 2 п. «д» УК РФ (ст. 29 и 120.2.4 УК АР) - покушение на убийство с особой жестокостью (17).

В случае же сознательного допущения особой жестокости подобные деяния следует квалифицировать в зависимости от фактических обстоятельств совершенного преступления, т.е. если особые страдания причинены – по ст. 120.2.4, если нет – по ст. 120.1 УК АР.

Итак, установление умысла виновного на совершение убийства с особой жестокостью имеет прямое отношение к квалификации общественно опасного деяния. Сам по себе особо жестокий способ убийства без определенного психического отношения убийцы к этому обстоятельству не дает оснований для квалификации убийства как совершенного при квалифицирующих признаках. Для правильной оценки общественно опасного деяния необходимо в каждом случае устанавливать отношение виновного как к смерти потерпевшего, так и к проявленной им при убийстве особой жестокости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин С. В. Преступления против жизни, Санкт-Петербург, 2003, с. 142
2. Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. Нальчик, 1991, с. 22.
3. Беляев В. Г. и Свидлов Н. М. Вопросы квалификации убийств. Волгоград, 1984, с. 26.
4. Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999, с. 68.
5. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000, с. 85.
6. Загородников Н. И. Преступления против жизни. М., 1961, с. 175
7. Тишкевич С. И. Квалификация преступлений против жизни. Минск, 1991, с. 47.

8. Садреев К., Мухамедзянов И. О квалификации умышленных убийств, совершенных с особой жестокостью. Социалистическая законность, 1981, № 10, с. 53.
9. Бородин С. В. Преступления против жизни. Санкт-Петербург, 2003, с. 147
10. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 2003, с. 378
11. ¹ Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 2003, с. 379
12. Загородников Н. И. Преступления против жизни. М., 1961, с. 176
13. Садреев К., Мухамедзянов И. О квалификации умышленных убийств, совершенных с особой жестокостью. Социалистическая законность, 1981, № 10, с. 53.
14. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 2003, с. 382.
15. Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства. Диссерт. на соиск. канд. юрид. наук, Санкт-Петербург, 2000, с. 88
16. Уголовная ответственность за посягательства на жизнь граждан. Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова, М., 1995, с.15.
17. Штемберг Э. Э. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства, совершенного с особой жестокостью. Диссерт. на соиск. канд. юрид. наук, Ставрополь, 2003, с.104.

XÜSUSİ AMANSIZLIQLA ADAM ÖLDÜRMƏ İŞLƏRİ ÜZRƏ TƏQSİRKARIN QƏSDİNİN MÜƏYYƏN EDİLMƏSİ

F.X.TUTAYUK

ANNOTASIYA

Мягаладя хцуси амансызлыгла адам юлдцрмя ишляри цзря шяр бир шалда тягсиркарын гясдинин мцяййян едилмясинин важиблии вурьуланмыш вя мясяляйя даир мцхтялиф шцгугшцнасларын фикирляри ачыгланмышдыр.

Эюстярилир ки, хцуси амансызлыгла адам юлдцрмяйя эюря мясулиййя-тя жялб едилмяси цчцн тягсиркарын шям зяряр чякмишин юлцмцня, шям дя хцуси амансызлыьа гаршы мцнасибяти мцяййян едилмялидир. Тягсиркар хцуси амансызлыьы шям арзу едя, шям дя шцурлу сцрятдя йол веря биляр. Лакин бязи шалларда хцуси амансызлыьа мцнасибятдя гяд йалныз бирбаша олмалы, йяни жинайяткар зяряр чякмишя хцуси язаб верилмясини арзу етмялидир.

Мягаладя шямчинин тягсиркарын зяряр чякмишя хцуси язаб верилмясини арзу етдийи вя йа шцурлу сцрятдя йол вердийи шалда, сонунжу бу язабы шисс етмядикдя, ямяля шансы шцгуги гиймятин верилмяси эюстярилмишдир. Бу шалларда яяр тягсиркар зяряр чякмишя хцуси язаб верилмясини арзу етмишя, адам юлдцрмя Ёинайят Мяжяллясинин 120.1-жи (аьырлашдырыжы вя йцнэцлляшдирижиди шаллар олмадан диээр шяхси гядян шяйятдан мящрум етмя), 29 вя 120.2.4-жц маддяляри иля (хцуси амансызлыгла адам юлдцрмяйя жящд); шцурлу сцрятдя йол вермишдирся – 120.1-жи маддяси иля тьовсиф едилмялидир.